

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINOLOGICAL FEATURES AND DIRECTIONS OF MODERN CRIME COUNTERACTING

Научная статья

УДК 343.37(470+571)

EDN ATNNPZ

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(3).298-310

КРИМИНАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ВЧЕРА — БИОСОЦИАЛЬНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ СЕГОДНЯ?

Д.В. Бахарев^{1, 2}

¹ Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Пермь, Российская Федерация

² Шадринский государственный педагогический университет, г. Шадринск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

31 января 2022 г.

Дата принятия в печать

8 июня 2022 г.

Дата онлайн-размещения

12 июля 2022 г.

Ключевые слова

Нейронауки; личность преступника;
биологические и социальные
факторы преступности; криминальная
антропология; биосоциальная
криминология

Аннотация. «Биологическое» направление в рамках современной зарубежной криминологии демонстрирует в последние десятилетия явную тенденцию к расширению диапазона и спектра исследований. В первую очередь это касается изучения особенностей нейрофизиологических процессов у заключенных пенитенциарных учреждений, отбывающих наказание за совершение тяжких насильственных преступлений. Результаты таких исследований фиксируют наличие у этих лиц значительных структурных и функциональных изменений в лобных долях головного мозга (в сравнении с осужденными за менее тяжкие преступления ненасильственного характера и ранее не судимыми лицами). В статье представлен краткий обзор истории изучения влияния этих отделов мозга на антисоциальное поведение человека. Он показывает, что различные аспекты данной проблемы рассматриваются в трудах психиатров, патологоанатомов и юристов непрерывно начиная уже с XVII в. При этом законченные очертания она приобретает в работах представителей криминальной антропологии рубежа XIX–XX столетий. В этот период вырисовывается достаточно целостная теоретическая картина участия лобных долей коры головного мозга в механизме преступной деятельности человека. Однако работы Ч. Ломброзо и его последователей, чьи имена сегодня как раз и ассоциируются с криминальной антропологией, способствовали не столько росту популярности этой теории, сколько вульгаризации ключевых ее тезисов и дискредитации криминально-антропологического направления в целом. Биосоциальное направление, которое сегодня активно развивается в структуре криминологической науки на Западе, перспективы своего развития видит в разумной рецепции ряда фундаментальных положений криминальной антропологии до- и постломброзианского периодов и в последующей их адаптации к современному научно-техническому инструментарию, имеющемуся в распоряжении нейронаук. Проявлением подобной методологической схемы и выступают, в частности, нейрофизиологические исследования преступников. Таким образом, сегодня перед представителями отечественных наук криминального цикла стоит дилемма: продолжать игнорировать «биологическую» составляющую этой сферы научного знания или все же попытаться вновь ввести ее в поле своего зрения.

Original article

CRIMINAL ANTHROPOLOGY YESTERDAY — BIOSOCIAL CRIMINOLOGY TODAY?

Dmitry V. Bakharev^{1, 2}

¹ Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, the Russian Federation

² Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, the Russian Federation

Article info

Received

2022 January 31

Abstract. The «biological» trend within contemporary foreign criminology has shown a clear tendency for the expansion of the range and spectrum of research in recent decades. First of all, this concerns the study of the features of neurophysiological

Accepted

2022 June 8

Available online

2022 July 12

Keywords

Neurosciences; criminal personality;
biological and social factors of crime;
criminal anthropology; biosocial
criminology

processes in inmates of penitentiary institutions serving sentences for committing serious violent crimes. The results of such studies document the presence of significant structural and functional changes in the frontal lobes of the brain in these individuals (in comparison with those convicted for less serious crimes of non-violent nature and previously unconvicted persons). The article provides a brief overview of the history of studying the influence of these brain areas on human antisocial behavior. It shows that different aspects of this problem have been considered in the works of psychiatrists, pathologists and lawyers continuously since the 17th century. It assumed a distinctive form in the works of the representatives of criminal anthropology at the turn of the 19th and 20th centuries. During this period, a fairly complete theoretical picture of the involvement of the frontal lobes of the cerebral cortex in the mechanism of human criminal activity emerged. However, the works of Lombroso and his followers, whose names today are associated with criminal anthropology, contributed not so much to the popularity of this theory as to the vulgarization its key theses and discreditation of the criminal anthropological trend as a whole. The biosocial trend, which is now being actively developed within the structure of criminological science in the West, sees its development prospects in the reasonable use of some fundamental points of criminal anthropology from the pre- and post-Lombrosoian periods of its development and their subsequent adaptation to the modern scientific and technological tools available in the neurosciences. This methodological scheme is manifested, in particular, in neurophysiological studies of criminals. Thus, today the representatives of the Russian science of penology are facing a dilemma: to continue ignoring the «biological» component of this sphere of scientific knowledge or to try and bring it back into their field of vision.

Поведенческие науки сегодня во всем мире переживают период чрезвычайно бурного подъема, причина которого — очевидный прогресс в области нейронаук. В течение трех последних десятилетий они существенно продвинулись в понимании закономерностей функционирования головного мозга человека при помощи методов компьютерной и магнитно-резонансной томографии (МРТ), используемых для изучения структуры мозга, а также функциональной МРТ и позитронно-эмиссионного томографирования (ПЭТ), применяемых в целях исследования его функций. Соответственно, существовавшие до этого теоретические построения поведенческих наук, и прежде всего психологии, подверглись всесторонней ревизии с точки зрения зафиксированных нейрофизиологией фактов и выявленных закономерностей. В ходе этого процесса постепенно оформилось новое междисциплинарное научное направление — когнитивная нейробиология, исследующая взаимосвязь между активностью головного мозга, а также другими аспектами функционирования центральной нервной системы (ЦНС) и познавательными процессами и поведением.

Вполне естественно, что в поле зрения когнитивных нейробиологов не могли не оказаться и такие экстремальные формы поведения человека, как преступления, и в первую очередь сексуальные посягательства и убийства. Конечно, на сегодняшний день у ученых пока отсутствует

инструментарий, позволяющий наблюдать за нейрофизиологическими процессами в мозге человека непосредственно при совершении им подобного преступления. Поэтому внимание специалистов сосредоточилось на выявлении особенностей нейрофизиологической деятельности у насильственных преступников, уже отбывающих наказание в тюрьмах.

Так, одним из наиболее авторитетных исследователей в данной сфере на сегодняшний день является работающий в США английский психолог Адриан Рэйн (р. 1954). На протяжении уже трех десятилетий он занимается «сканированием» мозга в контексте изучения нейробиологической составляющей криминального поведения. Например, Рэйн исследовал активность физиологических процессов в различных участках коры головного мозга у 41 осужденного за убийство. В отличие от ранее не судимых лиц того же возраста и пола, также отобранных и обследованных в рамках контрольной группы, при помощи метода ПЭТ у убийц было зафиксировано значительное снижение метаболизма глюкозы в префронтальной коре головного мозга. Наличие подобной закономерности Рэйн связал с результатами других исследований, объясняющих взаимосвязь между нарушением функций префронтальной коры мозга и личностными нарушениями на эмоциональном, поведенческом, когнитивном и других уровнях. Сочетание этих нарушений, по мнению Рэйна,

с большой долей вероятности подталкивает их «обладателя» к совершению тяжких преступлений [1, р. 66–67].

В 2019 г. группой американских ученых были изучены структурные данные МРТ головного мозга 808 заключенных, разделенных на три группы: 203 убийцы, 475 осужденных за тяжкие, но не связанные с убийством преступления (включая нападения, домашнее насилие и другие случаи причинения тяжких телесных повреждений) и 130 лиц, совершивших незначительные уголовные правонарушения (хранение наркотиков, проституция и др.). В результате был обнаружен ряд различий в объеме и структуре серого вещества мозга тех преступников, которые совершили убийство, по сравнению с лицами из двух других групп. Исследователи пришли к выводу, что нет большой разницы между субъектами, склонными к насилию, но не склонными к убийству, и менее опасными преступниками. При этом у убийц был зафиксирован значительно меньший объем серого вещества в областях мозга, «участвующих в эмоциональном процессе, поведенческом контроле, управляющем функционировании и социальном познании»: орбитофронтальной (вентромедиальной префронтальной) коре, передней височной коре, островке и др. [2, р. 2058]. Один из инициаторов данного исследования, Кент Кил, в интервью влиятельному научно-популярному интернет-изданию «New Atlas» заявил, что «орбитофронтальная лобная кора и передние височные доли показали наибольшую величину эффекта; то есть у мужчин, совершивших убийство, было меньше серого вещества в этих областях, чем у других насильственных или ненасильственных преступников» [3].

Результаты этих и многих других исследований вполне коррелируют с более общим выводом когнитивных нейробиологов о том, что лобные доли коры головного мозга (и прежде всего префронтальная кора) выполняют контролирующие функции и отвечают в том числе за долговременное планирование, регуляцию эмоций, сдерживание импульсивных порывов [4, с. 46–55]. Помимо этого, в распоряжении науки сегодня имеются данные, свидетельствующие о том, что префронтальная кора отвечает также за эмпатию, т.е. понимание точки зрения и переживаний других людей [5, р. 89–90].

Какое же значение имеют эти выводы для криминологии? Сигнализируют ли они о том, что наступает время коренного пересмотра тех

фундаментальных положений, на которых базируется эта наука сегодня? Прежде чем ответить на данные вопросы, необходимо дать краткий исторический обзор процесса зарождения и развития познавательного интереса к биологической стороне личности преступника.

Его начальный этап принято связывать с возникновением теории «нравственного (инстинктивного) помешательства», истоки которой ряд исследователей прослеживают еще в начале XVI в. [6, с. 868]. Тем не менее уже традиционно принято считать, что первым, кто оставил на страницах научной литературы описание так называемых инстинктивных влечений к убийству, стал швейцарец Феликс Платер (1536–1614). Он наблюдал два подобных случая. В одном из них женщина, страстно любившая своего мужа, испытала неизвестно откуда и почему зародившееся желание убить его, а в другом случае сходное влечение возникло у матери по отношению к своему ребенку [7, с. 49–50]. Платер, вполне в духе своего времени, источник возникновения подобных импульсов видел в демонических соблазнах, прибавляя, однако, при этом, что ему удалось, «с Божьей помощью, излечить от них кровопусканием, рвотными и слабительными» [там же, с. 50]. Такой результат лечения выглядит неудивительным, поскольку органом умственных, чувственных и двигательных процессов, по справедливому заключению Платера, является мозг. «Его дурное образование, его правильности и различные физические качества (сухость, плотность и проч.) обуславливают и соответствующие различия в качествах и недостатках психической личности». В числе же причин ослабления умственных способностей Платер указывал как влияние наследственности, так и внешние факторы — удары по голове, *ранения передних долей мозга*, приливы крови, употребление наркотических средств и т.д. [там же, с. 48].

В клинических условиях подобные эксцессы поведения продолжительное время смог наблюдать французский врач-психиатр Филипп Пинель (1755–1826). Он полагал, что в их основе лежит психическое заболевание, которое он назвал «бешенством без повреждения познавательных способностей» или «манией без бреда». Пинель писал, что был очень удивлен, «видя, что многие сумасшедшие ни в какое время не показывают никакого повреждения умственных способностей, а оказывают только побуждение к неистовству, как будто бы повреждены были одни страсти» [8, с. 108].

Работу Пинеля в данном направлении продолжил его ученик Жан-Этьен Доминик Эскироль (1772–1840), предложивший именовать описанную Пинелем форму частичного помешательства мономанией [9, р. 5]. Ее он определял как «хроническую душевную болезнь мозга без лихорадки, характеризующуюся частичным расстройством интеллекта, чувств или воли» [10, р. 332]. Эскиролем было также описано несколько разновидностей мономании: эротическая, резонирующая, пьянства, поджигательства (пиромании) и убийства [ibid., р. 346–393].

Параллельно с Эскиролем в данном направлении работали и ученые из других стран. Например, немецкий философ Иоганн Христиан Август Громанн (1769–1847) в 1819 г. указал на существование «нравственного вырождения» (*moralische Blödsinn*), обусловленного органической причиной [6, с. 868]. Основоположник психиатрической науки в Соединенных Штатах Бенджамин Раш (1746–1813) в своей работе (1812 г.) выделил две формы «морального расстройства» (*moral derangement*) — полное и частичное, описав при этом три случая проявления первой формы заболевания, которые встречал в своей лечебной практике [11, р. 357–360]. В своем еще более раннем труде (1782 г.) Раш попытался теоретически обосновать влияние «физических причин на нравственные способности» [12, р. 181], что позволило некоторым современным американским исследователям назвать данную работу Раша «первой попыткой современной эпохи сформулировать биологическую теорию преступности» [13, р. 25]. Впрочем, английский психиатр Х. Эллис в известной в свое время работе «*The Criminal*» аналогичную заслугу, напротив, приписывал Громанну [14, р. 29].

Наконец, в 1835 г. англичанин Джеймс Коулз Причард (1786–1848), подметив встречающиеся иногда случаи разительного несоответствия между состоянием рассудка и настроением человека, разработал достаточно стройную классификацию душевных болезней, включающую в себя две основные их формы — «моральное безумие» (*moral insanity*) и «безумие интеллектуальное». Первую он определил как «болезненное извращение естественных чувств, привязанностей, склонностей, характера, привычек, нравственных наклонностей... без каких-либо значительных расстройств или дефектов интеллекта, или навыков и способностей, и, прежде всего, без каких-либо безумных иллюзий или галлюцинаций» [15, р. 6]. Однако

в своем более позднем труде Причард признал факт поражения интеллектуальной сферы и при моральном помешательстве [16, р. 30–31].

Из всего множества определений и классификаций форм психического расстройства, первоначально обозначенного Пинелем как «мания без бреда», наибольшее распространение и признание в научном мире получил термин «мономания». Его автор — Эскироль — последовательно отстаивал и идею о церебрально-органической природе возникновения мономании [10, р. 332]. При этом первым, кто попытался отыскать в головном мозге человека источник неконтролируемых импульсов к убийству и иным действиям антисоциального характера, стал австрийский ученый-медик и естествоиспытатель Франц Йозеф Галль (1758–1828).

Теоретический стержень большинства работ Галля представлял тезис о наличии органической основы всех психических процессов и, следовательно, всех форм человеческого поведения. И специфика протекания физиологических процессов в организме человека, и особенности формирования его личности, и формы, а также интенсивность проявления личностных качеств вовне обуславливаются, по Галлю, особенностями формирования и последующего функционирования различных отделов головного мозга человека [17]. Особое внимание исследователь уделил тем из них, которые, согласно его наблюдениям, продуцируют, помимо прочих, и деструктивные формы поведения [18]. В частности, занятия патологической анатомией мозга и краниоскопией преступников привели Галля к следующему выводу: социально негативную окраску качествам и свойствам отдельной личности придают структурные или функциональные патологии височных сегментов коры головного мозга. В самом неблагоприятном случае это может привести к проявлению вовне таких деструктивных качеств, как неуправляемое влечение к издевательствам над животными, поджогам и убийствам [19, р. 67, 160]. В ходе своих многолетних наблюдений Галль заметил, что причиной нарушения функций различных частей мозга может выступать не только их врожденная патология, но и приобретенные заболевания, а также травматическое воздействие. Наука, по его словам, не должна игнорировать тот факт, что порочность нравственного характера или склонность к убийству иногда являются результатом длительного и скрытого заболевания мозга. Очень часто мы находили черепа убийц в том

же состоянии, что и черепа людей, страдавших психическим расстройством на протяжении нескольких лет. Имея дело с травмой головного мозга, я сообщал о нескольких случаях, когда весь моральный облик человека изменялся в результате подобного поражения... Никто из моих читателей не может игнорировать то, как неумолимо действует стремление к самоубийству или к другому, более ужасному бессознательному психическому заболеванию, при котором пациент не только лишает себя жизни, но и под воздействием мнимого вдохновения свыше приносит в жертву других людей, и обычно людей, которыми он дорожит больше всего — своего супруга и детей» [19, р. 166–167].

Сегодня учение Галля, представлявшего мозг в качестве сосредоточия самостоятельных центров управления не только физическими функциями организма человека, но и нравственными свойствами его личности, конечно, не выдерживает критики. Однако именно он заложил основы современного учения о мозговых локализациях, а также весьма прозорливо отметил неслучайный характер возникновения у человека поведенческих импульсов социально деструктивного свойства на фоне нарушения нормального хода физиологических процессов в лобных долях коры головного мозга.

Первое же развернутое учение в области психиатрии, базирующееся на выводе о том, что в основе всякого психического отклонения (в том числе и мономании) лежат функциональные изменения в головном мозге человека, было сформулировано в 1845 г. немецким исследователем Вильгельмом Гризингером (1817–1868). К числу наиболее влиятельных предрасполагающих причин возникновения церебральных нарушений он относил фактор наследственности [20, р. 155]. В основу своей классификации душевных болезней Гризингер положил принцип развития фаз (периодов) одного болезненного процесса, выделив три состояния нарушенной психики: 1) психической подавленности (меланхолия, ипохондрия); 2) психического возбуждения (мания, мономания); 3) психического угнетения (хроническая мания, деменция, идиотизм и кретинизм). Мономанию он, таким образом, относил к проявлениям второго состояния и полагал, что лечение таких пациентов может привести как к их выздоровлению, так и, в случае неудачи, к развитию заболеваний третьей стадии, уже не поддающихся терапевтическому воздействию [ibid., р. 213–398].

Подробное описание механизма наследственной передачи прогрессирующего органического вырождения в качестве общей причины как психических заболеваний в целом, так и тех пограничных психических состояний, о которых шла речь в трудах вышеперечисленных исследователей, на суд научной общественности XIX в. представил французский врач-психиатр Бенедикт Огюстен Морель (1809–1873). Как отмечал Д.А. Дриль, Морель взглянул на дурные, порочные натуры или организации «с широкой биологической точки зрения, как на результаты неблагоприятных внешних влияний, *постепенно шаг за шагом ухудшающих физические и психические качества породы, в свою очередь передаваемые наследственно нисходящим поколениям*» (курсив наш. — Д. Б.) [7, с. 59]. Морель выделял четыре класса (стадии, поколения) наследственного прогрессирования психических отклонений и, не соглашаясь с концепцией Эскироля о мономании как самостоятельной форме помешательства, отмечал ее явные транзиторные и усугубляющиеся признаки у представителей второго и третьего класса процесса дегенеративного вырождения. О первых из них он говорил, что признаки их расстройства проявляются «более в действиях, нежели в словах». Их отличает «эксцентричность, беспорядочность, а порой и глубокая безнравственность действий», а некоторые «замечательные интеллектуальные качества не компенсируют невозможность направить усилия на достижение разумной и полезной цели» [21, р. 541]. О лицах же, принадлежащих к третьему классу, Морель писал, что «врожденная склонность к злодейству заставляет... именовать их в судебно-медицинском отношении инстинктивными маньяками». «Признаки наследственной передачи дурной природы у них проявляются с самого раннего возраста в форме интеллектуальной инертности и крайней испорченности нрава... Поджоги, кражи, бродяжничество, ранняя склонность ко всякому разврату — вот печальный итог их нравственного существования» [ibid., р. 562].

Научное обоснование фактов, свидетельствующих о наличии биологической основы поведенческих эксцессов, в том числе и преступного характера, постепенно расширяло возможности для фиксации в рамках уголовного судопроизводства факта невменяемости лиц, их совершивших, и, соответственно, направления их не в тюрьмы или на эшафот, а в психиатрические лечебницы. Подозрение на присутствие

органической патологии головного мозга даже в тех случаях, когда факт сохранности интеллектуальных способностей обвиняемого (позволявших ему осознавать противоправность совершаемого деяния) не оспаривался ни сторонами судебного процесса, ни самим преступником, во многих случаях давало возможность стороне защиты и врачам-экспертам ссылаться на отсутствие у обвиняемого возможности руководить своими действиями.

Характерный в данном отношении пример приводит знаменитый немецкий психиатр Рихард Крафт-Эбинг (1840–1902). В 1881 г. к уголовной ответственности за развратные действия и сексуальные домогательства по отношению к несовершеннолетним девушкам привлекался 37-летний австрийский офицер Х. На следствии он показал, что в 1861 г. он, будучи до того абсолютно здоровым в нравственном и физическом отношении, начал периодически испытывать сильную лобную боль невралгического характера. В 1879 г. у Х. случился паралич левой глазной мышцы, который он пытался вылечить в офтальмологической клинике. По свидетельствам сослуживцев, к этому же периоду относится и резкая перемена характера Х. Если до этого он был основательным, честным, популярным в дамском обществе, общительным, умным, любезным, хотя и несколько властным офицером, то впоследствии частые головные боли и паралич глазных мышц радикально изменили его нрав: он стал очень подавленным и угрюмым, а порой, напротив, слишком легко возбудимым. Не осталось также и следа от прежней остроты его ума и логичности мышления. Часто в разговоре Х. замирал на середине фразы, прикладывал руку ко лбу и гладил его, давая собеседникам повод заподозрить наличие у него умственного расстройства. Также с болезнью глаз товарищи связывали и возникновение у Х. пристрастия к малолетним девочкам. Сам он считал свое сознание неповрежденным и «решительно отвергал внушаемую ему выгодную мысль о том, что он был психически неуравновешенным в момент совершения инкриминируемых действий». Тем не менее целый ряд внешних признаков свидетельствовал в пользу такого вывода: у Х. отмечались нарушения лицевой иннервации, затруднения в координации движений и ориентации в пространстве, беспричинная смена настроения, нарушения памяти. Порой он не мог назвать имена людей, с которым часто и подолгу контактировал [22, р. 39–43].

По итогам судебно-медицинского исследования Х. было сделано заключение, что «с медицинской точки зрения оправдан вывод о том, что моральный дефект и извращенное половое влечение также связаны с болезнью мозга. Следует отметить, что в течение многих лет при таких церебральных процессах симптомы могут ограничиваться медленными изменениями в характере, манерах и склонностях. Во многих случаях эти изменения в первую очередь затрагивают этическую сторону, расшатывая общепринятые и значимые представления о приличиях. Действия и поступки таких больных кажутся окружающим просто аморальными до той поры, пока симптомы ослабления интеллекта, головокружения, инсульты, параличи и др. не проясняют ситуацию. Поэтому есть основания полагать, что инкриминируемое действие является симптомом патологического состояния мозга, которое с годами может еще больше проявиться и прогрессировать вплоть до полного идиотизма с параличом» [22, р. 44]. Принимая все это во внимание, суд вынес решение о прекращении уголовного преследования Х., отправив его в отставку.

Нередко церебральные изменения (как правило, в передних долях коры мозга) обнаруживались и в результате судебно-медицинского исследования трупа обвиняемого, умершего до или вскоре после вынесения приговора. В числе подобных примеров можно упомянуть резонансное дело по обвинению Уильяма Фримена в зверском убийстве членов семьи фермера Джона Ван Неста (самого главы семейства, его беременной жены, свекрови и двухлетнего сына), произошедшем в 1848 г. в штате Нью-Йорк (США). В подростковом возрасте будущий убийца был осужден к пяти годам тюрьмы за кражу лошадей, но считал свое наказание несправедливым. Выйдя из заключения, он пытался добиться юридического преследования лиц, способствовавших его осуждению, но, не добившись этого, выместил свою злобу на практически случайно ему подвернувшемся семействе Ван Нест. Еще находясь в заключении, Фримен получил от надзирателя удар деревянной доской по голове, в результате чего, по свидетельству его матери и знакомых, характер Фримена претерпел кардинальные изменения негативного свойства. В ходе судебного процесса у некоторых его участников возникли обоснованные сомнения в способности обвиняемого адекватно воспринимать окружаю-

щую действительность, однако суд признал его виновным в совершении преступления и приговорил к смертной казни. защите Фримена все же удалось добиться отсрочки исполнения приговора, а затем и нового судебного разбирательства. Однако вскоре Фримен скоропостижно скончался в тюрьме. Управляющий местной психиатрической больницей и одновременно один из ведущих на тот момент психиатров Америки доктор Амария Бригхэм присутствовал на суде в качестве эксперта и ходатайствовал перед судом о признании Фримена невменяемым. После его смерти Бригхэм участвовал в патологоанатомическом исследовании тела, в ходе которого зафиксировал такие структурные изменения правых передних долей мозга, которые, по его мнению, были «несовместимы со здоровым состоянием умственных способностей». Этот вывод был подтвержден всеми лицами, присутствовавшими при вскрытии тела Фримена [13, р. 1–3; 23].

Сходный во многом случай был зафиксирован и российской судебно-медицинской практикой. Отставной губернский секретарь Пахомов, 38 лет, без всякого явного повода в июле 1864 г. убил топором двух женщин, снимавших у него квартиру. В ходе серии из четырех судебно-медицинских исследований психического состояния Пахомова он каждый раз признавался вменяемым, несмотря на наличие явных предрасположений к психическим отклонениям: наличие родственников, страдавших подобными заболеваниями, хронический алкоголизм, беспокойный, раздражительный и скрытный характер, увольнение со службы за пьянство и лень и др. Только смерть Пахомова в 1867 г. и последующее вскрытие тела помогли выявить несомненные «органические причины расстройства его умственных способностей» — наличие на внутренней поверхности лобной и левой височной костей экзостозов (хрящевых разрастаний) длиной до 4 мм, вызвавших кровоизлияния и деформацию серого вещества коры головного мозга [24].

Итак, научные изыскания в области криминальной антропологии получили поддержку и со стороны судебной практики, а тип преступника-маньяка, в основе деятельности которого лежала порочная, физически ущербная организация головного мозга, приобрел вполне реальные медицинские и юридические очертания. Важные открытия происходят в этот период и в области нейрофизиологии: немецкий ученый Пауль Флексиг (1847–1929) и его соотечественник и по-

следователь Теодор Мейнерт (1833–1892) в ходе патологоанатомических наблюдений установили факт наиболее позднего созревания лобных долей коры головного мозга [25, р. 268–269]. Параллельно в психиатрии возникает гипотеза, в соответствии с которой именно эти отделы мозга отвечают за контроль поведенческих актов и нравственные качества личности [26, с. 208]. Поводом для ее появления стал сенсационный несчастный случай, произошедший в США в сентябре 1848 г. с 25-летним железнодорожным рабочим Финейасом Гейджем. В результате нарушения техники безопасности при проведении взрывных работ железный лом, отброшенный взрывной волной, прошел сквозь голову Гейджа снизу вверх по косой линии, пересекая череп от левого угла нижней челюсти до центра верхней лобной кости. Несмотря на столь значительные повреждения лобных долей мозга и попадание в них многочисленных осколков черепа, пострадавший организм довольно быстро оправился (Гейдж еще на месте происшествия при проведении первичного врачебного осмотра умудрялся рассказывать прохожим о том, каким образом он был ранен) и сумел сохранить значительную часть своих интеллектуальных и физических функций [27; 28]. При этом наблюдавший за Гейджем практически до момента его смерти в 1861 г. доктор Джон Харлоу впоследствии писал, что «между его интеллектуальными способностями и животными наклонностями, если так можно выразиться, нарушилось равновесие или баланс. Он вспыльчив, непочтителен, порой позволяет себе грубейшие ругательства (что раньше было ему вовсе не свойственно), проявляет мало уважения по отношению к своим товарищам, не терпит советов и не проявляет сдержанности, когда это противоречит его желаниям, порой неуступчив и строптив, но при этом капризен и нерешителен, строит множество планов и, не успев приступить к их реализации, отказывается от них в пользу других, кажущихся ему более осуществимыми. Ребенок по своим интеллектуальным способностям и проявлениям, он имеет животные страсти сильного человека» [29, р. 13–14].

В ходе теоретического анализа этого и подобных ему случаев на страницах литературы по психиатрии формулируется гипотеза о функциональных нарушениях в коре мозга как причине развития морального безумия (мономании), важнейшим клиническим проявлением которой, как тогда считалось, как раз и яв-

ляются поведенческие эксцессы аморального свойства [30, р. 35]. Между тем производимые в этот период патологоанатомические исследования далеко не всегда фиксировали наличие деструктивных органических изменений не только в лобной коре, но и в других отделах мозга казненных преступников и умерших душевнобольных [31]. И хотя наиболее именитые специалисты того времени (в частности, Морель) предупреждали, что «эти изменения не сводятся исключительно к тем, которые можно обнаружить путем поверхностного исследования при помощи скальпеля или любого другого инструмента» [21, р. 508], интерес к научным опытам подобного рода хотя и не снизился, но стал проявляться в других, более элементарных и доступных исследовательских формах.

В области криминальной антропологии первыми в этом ряду стали работы итальянского врача Чезаре Ломброзо (1835–1909) и представителей возглавляемой им «туринской» школы. Ключевой тезис, который он попытался обосновать в первом издании своего знаменитого труда «*L'Uomo delinquente*» (1876), звучал так: *не только маньяк, но и любой преступник представляет собой отклонение от нормального антропологического типа*. И чтобы обнаружить эти отклонения, достаточно даже внешних антропометрических измерений. С их помощью Ломброзо обследовал 66 черепов казненных преступников и телесный облик 832 заключенных нескольких итальянских тюрем [32, р. 3, 15]. В результате им была разработана подробная классификация преступников, в основу которой было положено наличие атактических признаков [ibid., р. 199–208]. И хотя сам Ломброзо даже в первом издании своего труда отнюдь не сбрасывал со счетов влияние на преступную деятельность человека и иных факторов, в том числе и сугубо социального свойства [ibid., р. 120–155], триумф концепции «прирожденного преступника», представленной им широкой научной общественности на I Международном уголовно-антропологическом конгрессе в Риме (1885 г.), по всей видимости, вскружил ему голову.

При этом уже на II конгрессе в Париже (1889 г.) целая группа видных ученых (Манури, Дриль, Бенедикт, Ал. Бертильон, Лакассань и др.) выступили отрицательно по вопросу о принципиальной возможности установления внешних анатомических признаков «преступного типа» и в особенности против основания на

внешних признаках каких-либо предсказаний и суждений о виновности лица [33, с. 633–634]. Аналогичная точка зрения в отношении гипотезы о существовании особого, анатомически выраженного типа преступника возобладала и на III конгрессе, проходившем в 1892 г. в Брюсселе. «Вопрос этот, — как писал присутствовавший там Д.А. Дриль, — был решен конгрессом вполне отрицательно, хотя и без голосования» [34, с. 91]. Наибольшее же влияние и популярность в криминальной антропологии, начиная уже с парижского конгресса ее представителей, приобретает учение Мореля «о несчастных и порочных организациях, сформировавшихся в течение одного или нескольких поколений под влиянием неблагоприятных жизненных условий и, вследствие своих особенностей, более или менее предрасположенных к преступлению вообще и к различным его видам в частности». Активный его последователь Дмитрий Андреевич Дриль (1846–1910) подчеркивал, что «эта органическая предрасположенность и есть один из факторов, но не единственный. Необходимы еще и неблагоприятные окружающие условия, наталкивающие предрасположенные организации на преступление» [33, с. 635].

Именно в русле таких идей криминальная антропология развивается вплоть до начала Первой мировой войны. Вместе с тем заразительность «гениальной» в своей простоте идеи Ломброзо проявилась в том, что порой даже противники его теории в ходе своих исследований нередко приходили к сходным выводам. Например, Чарльз Горинг (1870–1919) в своей работе «*The English Convict*» (1913), опираясь на гораздо более обширную, чем у Ломброзо, эмпирическую базу, установил, что заключенные английских тюрем мужского пола ниже ростом интеллектуально слабее и более антисоциальны, чем другие люди [35, р. 370]. Чуть более оригинальными выглядят сегодня попытки отыскать внешние отличительные признаки преступников, предпринятые исследователями, изначально более лояльными к идеям Ломброзо. Опыты подобного рода осуществлялись даже в последней четверти XX в. Наиболее известные из них описаны в трудах Эрнеста Хутона (1887–1954), Шелдона (1896–1980) и Элеоноры Глюк (1898–1972), Уильяма Шелдона (1898–1977), Джеймса К. Уилсона (1931–2012) и Ричарда Херрнштейна (1930–1994). К сожалению, именно эти работы сегодня прочно ассоциируются с понятием «криминальная антропология». А

весь тот вал справедливых критических замечаний, который когда-то обрушился на содержащиеся в них идеи [13, р. 162–189], как и в случае с Ломброзо, негативно сказавшись на репутации этого научного течения.

Что же касается психиатрических исследований, а именно попыток доказать наличие органической основы той формы психических отклонений, которая продолжала условно именоваться мономанией, то научный прогресс в этой сфере закономерно зависел от достигнутых результатов в области нейроанатомии, нейрофизиологии и нейропсихологии. Только с их помощью можно было осуществить естественно-научный анализ тех разновидностей эксцессов человеческого поведения, подобных ранее описанным, которые возникают на фоне и, возможно, вследствие нарушения функций лобных долей мозга. Между тем результаты подобных исследований (включавших в себя помимо многочисленных клинических наблюдений пациентов с травмами лобных долей, например, опыты по экстирпации этих отделов у животных и наблюдение за последующей жизнедеятельностью этих особей) длительное время оставались весьма противоречивыми. Не зря один из ведущих отечественных нейропсихологов А.Р. Лурия в 1960 г. отмечал, что «исследование функций лобных долей мозга является самым трудным разделом физиологии нервной деятельности» [26, с. 221]. Тем не менее сегодня вывод о том, что лобная кора, и в первую очередь префронтальная ее часть, играет ведущую роль в регуляции социального поведения человека, уже мало кем оспаривается в среде представителей нейронаук [4, с. 52]. Ими описан синдром «управляющей дисфункции» (executive dysfunction), опосредованный нарушениями (незрелостью) функций лобных долей головного мозга, при этом в последние десятилетия появляется все больше научных работ, в которых статистически подтверждается взаимосвязь антисоциального (преступного) поведения и нарушений *нейропсихологического* «исполнительского функционирования» [36; 37]. Попытки же описать *нейрофизиологический* механизм возникновения и проявления таких нарушений на примере насильственных преступников мы и встречаем, например, в указанных выше работах А. Рэйна, К. Кила и других исследователей.

Справедливость этих выводов настолько очевидна, что порой вынуждает изменить свою

точку зрения даже вчерашних противников теории существования биологических предпосылок антисоциального поведения. В частности, наставник Кила, канадец Роберт Хаэр (р. 1934), ведущий на сегодняшний день мировой специалист в области криминальной психологии, посвятивший практически всю свою жизнь изучению преступника-психопата, продолжительное время не усматривал взаимосвязи между патологиями головного мозга и проявлениями психопатии [38]. Однако в более поздних своих работах Хаэр приходит к выводу о том, что «психопатия возникает из сложного — и пока непонятного — взаимодействия биологического и социального факторов». При этом генетические факторы, по мнению ученого, «определяют биологический аспект функционирования мозга и основные личностные структуры, которые в свою очередь влияют на то, как человек реагирует на жизненные ситуации и социальное окружение и взаимодействует с ними» [39, с. 210–211].

Изучение механизма этого взаимодействия биологических и социальных факторов в генезисе преступного поведения находится сегодня в центре внимания представителей *био-социальной криминологии*. И хотя порой можно услышать, что работы биокриминологов представляют собой не более чем адаптацию теории Ломброзо к сегодняшней действительности посредством использования гораздо более совершенного научно-технического инструментария [40; 41], думается, что это не так. Ведь и предметная область, и задачи биосоциальной криминологии в трактовке ее ведущих представителей [13; 42–44] в значительной степени соответствуют принципам криминальной антропологии как до- (и об этом шла речь выше), так и постломброзианского периодов¹. А это означает, что эксцессы исследовательского интереса к явной «патологической телесности» (pathologized bodily) преступника, ассоциирующиеся с Ломброзо и его последователями, наконец преодолены.

Итак, круг замкнулся, и фактически столетие спустя мы вновь должны актуализировать выводы криминальной антропологии рубежа XIX–XX вв.? По всей видимости, применительно

¹ Actes du troisième Congrès international d'anthropologie criminelle tenu à Bruxelles en août 1892 sous le haut patronage du gouvernement. Bruxelles : F. Hayes, Imprimeur de L'Académie Royale de Belgique, 1893. P. 267–286.

к российской криминологической науке ответ на этот вопрос должен быть утвердительным. Однако объяснение причин и последствий подобного положения дел заслуживает самостоятельного детального разбора. Пока же мы ограничимся констатацией следующих моментов:

1. Центр внимания зарубежной криминологии с каждым годом все больше смещается в сторону исследования биологических, и в первую очередь нейрофизиологических, особенностей преступника посредством применения современных технических средств и методов исследования. Можно твердо заявить о том, что на сегодняшний день это одна из важнейших тенденций развития мировой криминологической науки.

2. Вместе с тем результаты таких исследований сегодняшних преступников не повод для заявлений о надвигающейся «биологической революции» в криминологии. Никакого переворота в понимании закономерностей индивидуального преступного поведения они не делают, а лишь в очередной раз, но уже на качественно ином уровне подтверждают достоверность результатов многовековых наблюдений, связывающих вероятность проявления социально деструктивных форм поведения человека со структурными и функциональными изменениями в коре его головного мозга.

3. В качестве причин возникновения таких изменений, как и прежде, следует рассматривать особенности социально-экономической среды, в которой формировался как сам деятель преступления, так и его предки. Реакция на них, выбор формы взаимодействия с этой средой представителями каждого поколения предков

индивида оказывают эпигенетическое, а матери ребенка — и прямое физиологическое воздействие на процесс становления его центральной нервной системы в период внутриутробного развития. Далее на развитие ЦНС родившегося ребенка начинают оказывать непосредственное влияние и условия его воспитания, а также социальное окружение в раннем детстве.

4. Подобная трактовка и факторов, способствующих проявлению преступной активности человека в социуме, и, соответственно, особенностей формирования его личности, а следовательно, и ключевых элементов предмета криминологической науки вполне укладывается в теоретические рамки сегодняшней биосоциальной криминологии. Это означает, что перспективы развития данного направления видятся в разумной рецепции ряда фундаментальных положений криминальной антропологии до- и постлومброзианского периодов и в последующей их адаптации к имеющемуся сегодня в нашем распоряжении научно-техническому инструментарию. На подобной методологической платформе и базируются, в частности, нейрофизиологические исследования преступников.

Поэтому для сегодняшней российской криминологии как никогда актуален вопрос: продолжать и дальше не замечать «восстановленный в правах» и приобретающий все большее влияние «биологический» тренд развития этой науки за рубежом или все же вернуть биосоциальному (криминально-антропологическому) направлению его законное место в структуре отечественного криминологического знания? Выбор остается за нами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Raine A. The Anatomy of Violence. The Biological Roots of Crime / A. Raine. — New York : Vintage Books, 2014. — 478 p.
2. Aberrant Brain Gray Matter in Murderers / A. Sajous-Turner, N.E. Anderson, M. Widdows [et al.]. — DOI 10.1007/s11682-019-00155-y // Brain Imaging and Behavior. — 2019. — № 14. — P. 2050–2061.
3. Haridy R. Inside the Head of a Killer: Imaging Study Uncovers Unique Brain Abnormalities in Murderers / R. Haridy // New Atlas. — URL: <https://newatlas.com/brain-scan-murderers-homicide-neuroscience/60510>.
4. Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки / Р. Сапольски. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2021. — 766 с.
5. The Role of Medial Prefrontal Cortex in Theory of Mind: a Deep rTMS Study / L. Krause, P.G. Enticott, A. Zangen, P. Fitzgerald. — DOI 10.1016/j.bbr.2011.11.037 // Behavioral Brain Research. — 2012. — Vol. 228, no. 1. — P. 87–90.
6. Крафт-Эбинг Р. Учебник психиатрии / Р. Крафт-Эбинг. — Санкт-Петербург : Изд-во К.Л. Риккера, 1890. — 890 с.
7. Дриль Д. Психофизические типы в их соотношении с преступностью и ее разновидностями. Частная психология преступности. Нервные, истерики, эпилептики и оскуделые разных степеней / Д. Дриль. — Москва : Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1890. — 190 с.
8. Пинель Ф. Врачебно-философическое начертание душевных болезней / Ф. Пинель. — Москва : Тип. И. Решетникова, 1829. — 438 с.
9. Esquirol E. Note sur la monomania-homicide / E. Esquirol. — Paris : J.B. Baillière, 1827. — 52 p.
10. Esquirol E. Des maladies mentales / E. Esquirol. — Bruxelles : Meline, Cans et Compagnie, 1838. — Vol. 1. — 393 p.

11. Rush B. Medical Inquiries and Observations, upon the Diseases of the Mind / B. Rush. — Philadelphia : Kimber & Richardson, 1812. — 367 p.
12. The Selected Writings of Benjamin Rush / ed. D. Runes. — New York : Philosophical Library, 1947. — 433 p.
13. Rafter N. The Criminal Brain / N. Rafter, C. Posick, M. Rocque. — New York : Univ. Press, 2016. — 375 p.
14. Ellis H. The Criminal / H. Ellis. — New York : Scribner & Welford, 1890. — 337 p.
15. Prichard J.C. A Treatise on Insanity and Other Disorders Affecting the Mind / J.C. Prichard. — London : Sherwood, Gilbert and Piper, 1835. — 484 p.
16. Prichard J.C. On the Different Forms of Insanity, in Relation to Jurisprudence, Designed for the use of Persons Concerned in Legal Questions Regarding Unsoundness of Mind / J.C. Prichard. — London : Hippolyte Baillière, 1842. — 248 p.
17. Бахарев Д.В. Вклад Франца Йозефа Галля в становление криминальной антропологии. Часть I. Учение о мозговых локализациях / Д.В. Бахарев. — DOI 10.7256/2454-0706.2020.7.33045. — EDN ZOUVVV // Право и политика. — 2020. — № 7. — С. 151–159.
18. Бахарев Д.В. Вклад Франца Йозефа Галля в становление криминальной антропологии. Часть II. В поисках физиологических истоков маниакального поведения / Д.В. Бахарев. — DOI 10.7256/2454-0706.2021.6.33868. — EDN THGESD // Право и политика. — 2021. — № 6. — С. 152–163.
19. Gall F.J. Sur les fonctions du cerveau / F.J. Gall. — Paris : J.B. Baillière, 1825. — Vol. 4. — 473 p.
20. Griesinger W. Die Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten: für Aerzte und Studierende / W. Griesinger. — Stuttgart : A. Krabbe, 1861. — 538 p.
21. Morel B.A. Traité des maladies mentales / B.A. Morel. — Paris : Masson, 1860. — 866 p.
22. Krafft-Ebing R. Gerichtsarztliches Gutachten über zweifelhafte Geisteszustände / R. Krafft-Ebing // Jahrbücher Für Psychiatrie. — 1883. — No. 4. — P. 39–51.
23. Freeman W. The Trial of William Freeman: For the Murder of John G. Van Nest / W. Freeman, B.F. Hall. — Auburn : Derby, Miller & Company, 1848. — 508 p.
24. Дюков П.А. Случай помешательства, не признанного петербургской судебной палатой / П.А. Дюков // Архив судебной медицины и общественной гигиены. — 1868. — № 1. — С. 106–122.
25. Meynert T. Psychiatry: A Clinical Treatise on Diseases of the Fore-Brain / T. Meynert. — New York : G.P. Putnam, 1885. — 285 p.
26. Лурья А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга / А.Р. Лурья. — 3-е изд. — Москва : Акад. проект, 2000. — 512 с.
27. Harlow J.M. Passage of an Iron Rod through the Head / J.M. Harlow // The Boston Medical and Surgical Journal. — 1849. — Vol. 39. — P. 389–393.
28. Bigelow H.J. Dr. Harlow's Case of Recovery from the Passage of an Iron Bar through the Head / H.J. Bigelow // The American Journal of the Medical Sciences. — 1850. — Vol. 20, iss. 39. — P. 13–22.
29. Harlow J.M. Recovery from the Passage of an Iron Bar through the Head / J.M. Harlow. — Boston : Clapp, 1869. — 21 p.
30. Naecke P. Über die sogenannte «moral insanity» / P. Naecke. — Wiesbaden : J.F. Bergmann, 1902. — 65 p.
31. Дюков П.А. Преступление и помешательство / П.А. Дюков // Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии. — 1885. — № 1. — С. 1–30.
32. Lombroso C. L'Uomo delinquente / C. Lombroso. — Milano : Hoepli, 1876. — 256 p.
33. Дриль Д. Парижский уголовно-антропологический конгресс 1889 года / Д.А. Дриль // Юридический вестник. — 1889. — № 12. — С. 631–642.
34. Дриль Д.А. Что говорилось на международном уголовно-антропологическом конгрессе в Брюсселе / Д.А. Дриль // Русская мысль. — 1893. — № 2. — С. 88–104.
35. Goring C. The English Convict / C. Goring. — London, 1913. — 440 p.
36. Barbosa M.F.S. Recurrent Criminal Behavior and Executive Dysfunction / M.F.S. Barbosa, L.M.C. Monteiro. — DOI 10.1017/S1138741600004297 // The Spanish Journal of Psychology. — 2008. — Vol. 11, no. 1. — P. 259–265.
37. Neuropsychological Measures of Executive Function and Antisocial Behavior: A Meta-Analysis / J.M. Ogilvie, A.L. Stewart, R.C. Chan, D. Shum. — DOI 10.1111/j.1745-9125.2011.00252.x // Criminology. — 2011. — Vol. 49, no. 4. — P. 1063–1107.
38. Hare R.D. Performance of Psychopaths on Cognitive Tasks Related to Frontal Lobe Function / R.D. Hare. — DOI 10.1037/0021-843X.93.2.133 // Journal of Abnormal Psychology. — 1984. — Vol. 93, iss. 2. — P. 133–140.
39. Хаэр Р. Лишенные совести. Пугающий мир психопатов / Р. Хаэр. — Москва : Вильямс, 2019. — 288 с.
40. Walby K. The Rise of Biocriminology: Capturing Observable Bodily Economies of «Criminal Man» / K. Walby, N. Carrier. — DOI 10.1177/1748895810370314 // Criminology and Criminal Justice. — 2010. — Vol. 10, no. 3. — P. 261–285.
41. Carrier N. Ptolemizing Lombroso the Pseudo-Revolution of Biosocial Criminology / K. Walby, N. Carrier // Journal of Theoretical and Philosophical Criminology. — 2014. — Vol. 6, no. 1. — P. 1–45.
42. Biosocial Criminology: New Directions in Theory and Research / ed. K.M. Beaver, A. Walsh. — Routledge, 2009. — 285 p.
43. Wright J.P. The Future of Biosocial Criminology: Beyond Scholars' Professional Ideology / J.P. Wright, F.T. Cullen. — DOI 10.1177/1043986212450216 // Journal of Contemporary Criminal Justice. — 2012. — Vol. 28, no. 3. — P. 237–253.
44. The Nurture versus Biosocial Debate in Criminology: On the Origins of Criminal Behavior and Criminality / ed. K.M. Beaver, J.C. Barnes, B.B. Boutwell. — Los Angeles : SAGE Publications, 2014. — 461 p.

REFERENCES

1. Raine A. *The Anatomy of Violence. The Biological Roots of Crime*. New York, Vintage Books, 2014. 478 p.
2. Sajous-Turner A., Anderson N.E., Widdows M., Nyalakanti P. [et al.]. Aberrant Brain Gray Matter in Murderers. *Brain Imaging and Behavior*, 2019, no. 14, pp. 2050–2061. DOI: 10.1007/s11682-019-00155-y.
3. Haridy R. Inside the Head of a Killer: Imaging Study Uncovers Unique Brain Abnormalities in Murderers. *New Atlas*. Available at: <https://newatlas.com/brain-scan-murderers-homicide-neuroscience/60510>.

4. Sapolsky R.M. *Behave The Biology of Humans at Our Best and Worst*. New York, Penguin, 2017. 790 p. (Russ. ed.: Sapolsky R.M. *The Biology of Humans at Our Best and Worst*. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2021. 766 p.).
5. Krause L., Enticott P.G., Zangen A., Fitzgerald P. The Role of Medial Prefrontal Cortex in Theory of Mind: a Deep rTMS Study. *Behavioral Brain Research*, 2012, vol. 228, no. 1, pp. 87–90. DOI: 10.1016/j.bbr.2011.11.037.
6. Krafft-Ebing R.V. *Lehrbuch der Psychiatrie*. Stuttgart, Ferdinand Enke, 1988. 720 S. (Russ. ed.: Krafft-Ebing R.V. *Lehrbuch der Psychiatrie*. Saint-Petersburg, K.L. Rikker Publ., 1988. 720 p.).
7. Dril D.A. *Psychophysical Types in their Correlation with Crime and its Varieties. Private Psychology of Crime. Nervous, Hysterics, Epileptics and scanty of Different Degrees*. Moscow, A.I. Mamontov i K° Publ., 1890. 190 p.
8. Pinel Ph. *Traité Médico-Philosophique Sur L'aliénation Mentale ou la Manie*. Paris, J.A. Brosson, 1809. 496 p. [Russ. ed.: Pinel Ph. *Traité Médico-Philosophique Sur L'aliénation Mentale ou la Manie*. Moscow, I. Reshetnikov Publ., 1829. 438 p.).
9. Esquirol E. *Note sur la monomania-homicide*. Paris, J.B. Baillière, 1827. 52 p.
10. Esquirol E. *Des maladies mentales*. Bruxelles, Meline, Cans et Compagnie, 1838. Vol. I. 393 p.
11. Rush B. *Medical Inquiries and Observations, upon the Diseases of the Mind*. Philadelphia, Kimber & Richardson, 1812. 367 p.
12. Runes D. (ed.). *The Selected Writings of Benjamin Rush*. New York, Philosophical Library, 1947. 433 p.
13. Rafter N., Posick C., Rocque M. *The Criminal Brain*. New York, University Press, 2016. 375 p.
14. Ellis H. *The Criminal*. New York, Scribner & Welford, 1890. 337 p.
15. Prichard J.C. *A Treatise on Insanity and Other Disorders Affecting the Mind*. London, Sherwood, Gilbert and Piper, 1835. 484 p.
16. Prichard J.C. *On the Different Forms of Insanity, in Relation to Jurisprudence, Designed for the use of Persons Concerned in Legal Questions Regarding Unsoundness of Mind*. London, Hippolyte Baillière, 1842. 248 p.
17. Bakharev D.V. Contribution of Franz Joseph Gall in the Establishment of Criminal Anthropology. Part I. Teaching on Localization of Brain Function. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2020, no. 7, pp. 151–159. (In Russian). EDN: ZOUVVV. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.7.33045.
18. Bakharev D.V. The Contribution of Franz Josef Gall to the Development of Criminal Anthropology. Part II. In Search of the Physiological Origins of Compulsive Behavior. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2021, no. 6, pp. 152–163. (In Russian). EDN: THGESD. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.6.33868.
19. Gall F.J. *Sur les Fonctions du Cerveau*. Paris, J.B. Baillière, 1825. Vol. IV. 473 p.
20. Griesinger W. *Die Pathologie und Therapie der Psychischen Krankheiten: für Aerzte und Studierende*. Stuttgart, A. Krabbe, 1861. 538 p.
21. Morel B.A. *Traité des Maladies Mentales*. Paris, Masson, 1860. 866 p.
22. Krafft-Ebing R. Gerichtärztliches Gutachten über zweifelhafte Geisteszustände. *Jahrbücher Für Psychiatrie*, 1883, no. 4, pp. 39–51.
23. Freeman W., Hall B.F. *The Trial of William Freeman: For the Murder of John G. Van Nest*. Auburn, Derby, Miller & Company, 1848. 508 p.
24. Dyukov P.A. A Case of Insanity Unrecognized by the St. Petersburg Court of Justice. *Arkhiv sudebnoi meditsiny i obshchestvennoi gigiyeny = Archive of Forensic Medicine and Public Hygiene*, 1868, no. 1, pp. 106–122. (In Russian).
25. Meynert T. *Psychiatry: A Clinical Treatise on Diseases of the Fore-Brain*. New York, G.P. Putnam, 1885. 285 p.
26. Luriya A.R. *Higher Cortex Functions of a Person and their Disruption in Local Brain Damage*. 3rd ed. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2000. 512 p.
27. Harlow J.M. Passage of an Iron Rod through the Head. *The Boston Medical and Surgical Journal*, 1849, vol. 39, pp. 389–393.
28. Bigelow H.J. Dr. Harlow's Case of Recovery from the Passage of an Iron Bar through the Head. *The American Journal of the Medical Sciences*, 1850, vol. 20, iss. 39, pp. 13–22.
29. Harlow J.M. *Recovery from the passage of an iron bar through the head*. Boston, Clapp, 1869. 21 p.
30. Naেকে P. *Über die sogenannte «moral insanity»*. Wiesbaden, J.F. Bergmann, 1902. 65 p.
31. Dyukov P.A. Crime and Insanity. *Vestnik klinicheskoi i sudebnoi psikiatrii i nevropatologii = Bulletin of Clinical and Forensic Psychiatry and Neuropathology*, 1885, no. 1, pp. 1–30. (In Russian).
32. Lombroso C. *L'Uomo delinquente*. Milano, Hoepli, 1876. 256 p.
33. Dril D. Parisian criminal anthropological congress of 1889. *Yuridicheskii vestnik = Legal Bulletin*, 1889, no. 12, pp. 631–642. (In Russian).
34. Dril D.A. What was said at the international criminal anthropological congress in Brussels. *Russkaya mysl' = Russian Thought*, 1893, no. 2, pp. 88–104. (In Russian).
35. Goring C. *The English Convict*. London, 1913. 440 p.
36. Barbosa M.F.S., Monteiro L.M.C. Recurrent Criminal Behavior and Executive Dysfunction. *The Spanish Journal of Psychology*, 2008, vol. 11, no. 1, pp. 259–265. DOI: 10.1017/S1138741600004297.
37. Ogilvie J.M., Stewart A.L., Chan R.C., Shum D. Neuropsychological Measures of Executive Function and Antisocial Behavior: A Meta-Analysis. *Criminology*, 2011, vol. 49, no. 4, pp. 1063–1107. DOI: 10.1111/j.1745-9125.2011.00252.x.
38. Hare R.D. Performance of Psychopaths on Cognitive Tasks Related to Frontal Lobe Function. *Journal of Abnormal Psychology*, 1984, vol. 93, iss. 2, pp. 133–140. DOI: 10.1037/0021-843X.93.2.133.
39. Hare R.D. *Without Conscience: The Disturbing World of the Psychopaths among Us*. New York, Guilford Press, 1999. 236 p. (Russ. ed.: Hare R.D. *Without Conscience: The Disturbing World of the Psychopaths among Us*. Moscow, Williams Publ., 2019. 288 p.).
40. Walby K., Carrier N. The Rise of Biocriminology: Capturing Observable Bodily Economies of «Criminal Man». *Criminology and Criminal Justice*, 2010, vol. 10, no. 3, pp. 261–285. DOI: 10.1177/1748895810370314.

41. Carrier N., Walby K. Ptolemying Lombroso the Pseudo-Revolution of Biosocial Criminology. *Journal of Theoretical and Philosophical Criminology*, 2014, vol. 6, no. 1, pp. 1–45.
42. Beaver K.M., Walsh A. (eds.). *Biosocial Criminology: New Directions in Theory and Research*. Routledge, 2009. 285 p.
43. Wright J.P., Cullen F.T. The Future of Biosocial Criminology: Beyond Scholars' Professional Ideology. *Journal of Contemporary Criminal Justice*, 2012, vol. 28, no. 3, pp. 237–253. DOI: 10.1177/1043986212450216.
44. Beaver K.M., Barnes J.C., Boutwell B.B. (eds.). *The Nurture versus Biosocial Debate in Criminology: On the Origins of Criminal Behavior and Criminality*. Los Angeles, SAGE Publications, 2014. 461 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бахарев Дмитрий Вадимович — профессор кафедры публичного права Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Пермь, Российская Федерация; профессор кафедры истории и права Шадринского государственного педагогического университета, доктор юридических наук, доцент, г. Шадринск, Российская Федерация; e-mail: demetr79@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3922-3554>; SPIN-код: 2597-2429; AuthorID: 244435.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бахарев Д.В. Криминальная антропология вчера — биосоциальная криминология сегодня? / Д.В. Бахарев. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(3).298-310. — EDN ATNNPZ // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 3. — С. 298–310.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bakharev, Dmitry V. — Professor, Chair of Public Law, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, the Russian Federation; Professor, Chair of History and Law, Shadrinsk State Pedagogical University, Doctor of Law, Ass. Professor, Shadrinsk, the Russian Federation; e-mail: demetr79@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3922-3554>; SPIN-Code: 2597-2429; AuthorID: 244435.

FOR CITATION

Bakharev D.V. Criminal Anthropology Yesterday — Biosocial Criminology Today? *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 3, pp. 298–310. (In Russian). EDN: ATNNPZ. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(3).298-310.